

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. И. Соловьев

Специфика поведения российских элит в переходный период

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_3_Solovyev.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Специфика поведения российских элит в переходный период

А.И. Соловьев

Как известно, в большинстве стран (включая латиноамериканские) первоосновой и политическим механизмом преобразований был "раскол" режима жесткой гегемонии, по преимуществу выразившийся в виде образования реформаторского ядра и дальнейшего размежевания элитарных группировок. Эта внутренняя реструктуризация элиты, поначалу вызывающая деление на реформаторов и консерваторов, а затем и последовательное дробление внутри каждого из указанных сегментов на

группировки радикального и умеренного толка, впоследствии совершает как бы движение в обратном направлении, способствуя — путем компромиссов — известной интеграции верхов, а следовательно, и достижению политического согласия относительно целей и средств общественного развития. В общем именно такая логика и приводила к заключению (обычно оформленного пактом) меж- и внутриэлитарных союзов, которые позволили многим странам последовательно перейти к фазе

консолидации, обеспечивая тем самым необратимость демократических перемен.

Конечно, формы и темпы достижения внутриэлитарных пактов, характер согласования интересов между теми или иными сегментами правящего класса в различных странах весьма разнообразны, а главное – противоречивы. Но по существу именно эти процессы олицетворяют целеустремленность реформирования и становление общей конфигурации объединяющих политические силы целей и ценностей. Причем на данной основе модифицируют свои позиции и те элиты, которые традиционно присутствовали на политическом рынке, и те, которые только проникают на него в связи с новыми запросами населения.

В российском же социуме преобразования сопровождаются качественно иными, если не сказать противоположными, процессами во взаимодействии элит: вместо дробления и сегментаризации элитарных групп наблюдаются их корпоративная гомогенизация и интеграция, которые стойко препятствуют даже консолидации модернизированной элиты. Коротко говоря, бывшая гомогенность советской элиты, знаменовавшая расцвет патернализма и оформившаяся еще в 1970 – 1980-е годы в виде срастания отраслевых кланов с группами, контролировавшими КПСС и КГБ, поменялась на некий тип верхушечной интеграции, только укрепившей целостность правящего класса и центростремительные тенденции.

Важнейшими из факторов (или механизмов), по сути предотвратившими развитие тенденции к дроблению элит, стали коррупция (точнее, ее качественно иной уровень), исключительно быстро и эффективно слотившая значительные группы правящего класса; криминализация власти (по мафиозному образцу), вовлекшая в структуры государственно-политического управления представителей теневой и криминальной бизнес-элиты и создавшая специфические дополнительные гарантии против политического раскола верхов; дальнейшая бюрократизация, не только подтвердившая тенденцию к формальности стиля властвования, но и выявившая наклонность (всего, не только элитарного, сообщества) к сращиванию интересов представителей государственных органов и активистов общественных (прежде всего партийных) структур; а также интенсивная “дерадикализация” политического по-

полнения правящего класса, засвидетельствовавшая быстрое поглощение новых элитарных сегментов истеблишментом.

Конечно, самым примечательным для нашего времени механизмом перестройки меж- и внутриэлитарных отношений являются криминально-мафиозные рычаги обеспечения стабилизации и слитности правящих кругов, по-своему смягчающими конфликтность между различными элитарными группировками. Причем такие способы интеграции, если здесь позволительно использовать данный термин, сопровождаются расширением и навязыванием дописанных (или навязанных) криминалом негласных норм и законов властвования попадающим на вершины власти новым политактивистам, что сплачивает в единое целое и политический полусвет, “подбрюшье” правящей элиты, делая тем самым правящие круги еще более гомогенными и нефрагментизированными.

Понятно, что подобные способы и технологии отправления власти обусловили серьезнейшие искажения механизма представительства социальных интересов, превратив политический процесс в декоративное оформление элитой своих корпоративных отношений и оставив реальное продвижение интересов граждан в этой сфере за лицами и объединениями, не способными даже приблизиться к реальным рычагам перераспределения политических и государственных ресурсов. Не стоит говорить, что на этом фоне и демократизация стала “выставочным экспонатом” официального дискурса, полностью утратив значение системообразующей программы государственной политики. Более того, даже отдельные фрагменты ранее отвоеванной либерализацией территории подвергаются качественному перерождению, превращая, к примеру, свободную прессу в наймитов тех или иных экономических структур или ставя силовые органы государства на службу неким (полу)преступным формированиям.

Презрев нормальные стандарты своей профессиональной деятельности (которые являются сейчас не более чем формальным поводом для изменения баланса верхушечных отношений), одни и те же элитарные группировки или персонажи, относящие себя к элите, с легкостью перемещаются из одной политической “тусовки” в другую (из “коммунистической номенклатуры” в

“демократы”, откуда в прежнюю “партию власти”, затем в новую, гипотетическую “партию власти” вроде “Отечества” и т.д.). Они, попирая законы и Конституцию, целенаправленно используют отдельные правовые нормы против представителей конкурирующих структур; игнорируя нужды нищающего населения, переводят миллионные суммы на частные счета за рубеж и открыто конвертируют в дорогую собственность и пр. Однако при этом элиты пытаются представить в общественном мнении свои внутригрупповые противоречия именно как обусловленные самим политическим процессом перехода к демократии, т.е. в качестве имеющих для общества первоочередное значение и тем самым предполагающих социальную поддержку. В этом смысле весьма показательны, к примеру, косметическая борьба с коррупцией и используемая при этом в истеблишменте полууголовная лексика (читай — “слив компромата” с целью защиты “общака” или “своих” — хотя бы прокуроров, “настоящему” борющихся с преступностью), требования левых разработать “программу выхода из кризиса” (о чем они успешно забывают уже на следующий день после прихода в правительство “своих” людей), борьба за “правильный” вариант московской приватизации (продвинувший “нужных” бизнесменов поближе к бюджетному “пирог”) и пр.

По сути перевод политического дискурса в форму сплошь и рядом мистифицирующих население газетно-телевизионных баталей стало основным защитным механизмом самовластвования элиты. Создавая за счет информа-

ционных манипуляций (дружно подерживаемых как правящими, так и оппозиционными силами) неадекватное отражение политического процесса и порождая при этом множество дезориентирующих граждан целей и образов, элиты не только добились дополнительных гарантий своей социальной неприкосновенности, но и усилили непроницаемость власти для общественности.

Понятно, что корпоративный, а не политический способ структурирования элиты в его российском варианте не придаст никакого позитивного стимула дальнейшей стратегии демократического перехода. Он способен породить лишь все новые напряжения в правящих структурах, которые не будут иметь для общества разумных политических последствий, кроме одного — продолжения скольжения в пропасть полностью коррумпированного государства. Ясно и то, что подобная атмосфера превращает электоральный процесс даже не столько в декоративный прием, не способный изменить какие-либо властные приоритеты, сколько в механизм внутрисистемной ротации, использующийся в качестве дополнительного орудия в междоусобице элит и приближенных к ним группировок.

Все более и более отдаляясь от целей демократического перехода, власть сегодня практически уже выстроила собственную, далекую не только от интересов граждан, но и от рационального использования рычагов государственного регулирования логику действий. Поэтому непонятно, можно ли вообще рассуждать сегодня о российских трансформациях в логике “перехода” к демократии.